

№ 167—168

**ВОЛНЕНИЕ НА КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИХ
ЗОЛОТЫХ ПРИИСКАХ КН. БУТЕРО
В ПЕРМСКОЙ ГУБ.
(1839—1840 гг.)**

☆

№ 167

1839 г., ДЕКАБРЯ 22.

**РАПОРТ ПОДПОЛКОВНИКА КОРПУСА ЖАНДАРМОВ
КОССИНСКОГО ШЕФУ ЖАНДАРМОВ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ
ОБ УХОДЕ С КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИХ ПРИИСКОВ
ВОТЧИННЫХ КРЕСТЬЯН КН. БУТЕРО, В СВЯЗИ
С НЕПОСИЛЬНЫМИ РАБОТАМИ И НЕДОСТАТОЧНОЙ ВЫДАЧЕЙ
ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И ПЛАТЫ ЗА РАБОТУ.**

Исправляющий должность пермского гражданского губернатора 15 числа сего декабря получил донесение от заводского исправника княгини Бутеро заводов, что он, приезжая по делам службы из Кусье-Александровского в Бисерский княгини Бутеро завод, встретил на дороге толпу людей около 600 человек, и на сделанный им вопрос, что за люди и куда идут, получил ответ, что они вотчинные княгини Бутеро разных селений крестьяне, своевольно отлучившиеся с Крестовоздвиженских золотых промыслов по отягощению их работами и недостаточному содержанию.

Исправник, видя самовольство крестьян и желая остановить их, употреблял всевозможные убеждения, которые остались тщетными, и крестьяне оказали ему неповиновение, оставив работы, отправились по дороге к г. Перми.

Вследствие сего г. исправляющий должность пермского гражданского губернатора командировал навстречу крестьянам пермского земского исправника, поручив ему убедить крестьян к возвращению на золотые промыслы, но усилия остановить и сего были напрасны, крестьяне продолжали идти по направлению к г. Перми с целью принести жалобу губернскому начальству и быть в селении Верхних Муллах (место вотчинного управления, расстояние от золотых промыслов в 300 верстах) и там вотчинному управляющему княгини Бутеро Мейеру объяснить всю тягость золотопромывальной работы и просить об убавке уроков и улучшении содержания.

Видя невозможность убедить крестьян к возвращению и желая отвратить прибытие значительного числа людей в губернский город, исправляющий должность гражданского губернатора вторично поручил земскому исправнику принять все средства, чтобы крестьяне были остановлены и не могли достиг-

нуть своей цели, объявив им, что жалобу могут принести чрез одного избранного из среды себя, а не целою толпою.

Исправник 17 числа донес, что крестьяне совершенно покойны и желают только того, чтобы лично принести жалобу; возвратиться же на промыслы, сделав уже более 250 верст перехода, не имея пищи и теплой по времени года одежды, не могут, что они, остановясь в Мотовилихинском казенном заводе, отстоящем от г. Перми в 2 верстах, будут ожидать распоряжения правительства.

Для приведения крестьян к должному повиновению, возвратить их к месту, отколе самовольно отлучились, и предварить о следствиях самовольства и непокорности, исправляющий должность гражданского губернатора, пригласив меня, отправился в Мотовилихинский завод. Внушения, сделанные крестьянам, имели желанный успех, и они предались воле и распоряжению начальства, почему предписано земскому исправнику обеспечить продовольствие крестьян на обратное следование в промысла и, снабдив их одеждою, отправить немедленно к месту назначения под наблюдением одного из станowych приставов и 9 человек нижних чинов Пермской жандармской команды при одном унтер-офицере.

Вследствие сих мер крестьяне более 300 человек в присутствии моем 19 числа выступили обратно без малейшего оказания непокорности. При сем мною было внушаемо им, что жалобы начальством приняты и немедленно будет назначен чиновник для разбора и удовлетворения по мере возможности просьб их.

Ныне, по распоряжению главного начальника горных заводов Уральского хребта, командирован один из советников Горного правления для исследования как о самовольстве крестьян, так и о причинах, к тому их побудивших, при депутате со стороны гражданской.

О таком обстоятельстве почтительнейше донося вашему сиятельству, честь имею присовокупить, что из всех помещичьих имений в Пермской губернии крестьяне княгини Бутеро беднейшие и более других обложены работами при недостаточном содержании, как напротив с ними смежные крестьяне князей Голицыных и г.г. Лазаревых пользуются изобилием.

Подполковник *Коссинский*.

Помета: *По выс[очайшему] пов[елению] сообщено княгине Бутеро 16 января.*

№ 168

1840 г., ЯНВАРЯ 28.

**РАПОРТ ПОДПОЛКОВНИКА КОРПУСА ЖАНДАРМОВ
КОССИНСКОГО ШЕФУ ЖАНДАРМОВ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ
О ВТОРИЧНОМ УХОДЕ КРЕСТЬЯН
С КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИХ ПРИИСКОВ
И О РЕЗУЛЬТАТАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧИН ВОЛНЕНИЯ**

Имею счастье доносить вашему сиятельству 20 декабря 1839 года за № 115¹ о крестьянах княгини Бутеро, самовольно отлучившихся с Крестовоздвиженских золотых промыслов в город Пермь, и что они по распоряжению губернского начальства отправлены обратно на промыслы в сопровождении одного из станowych приставов и 10 человек нижних чинов Пермской жандармской команды.

Но 14 числа сего января исправляющий должность пермского гражданского губернатора получил донесение от советника Уральского горного правления Тимченко, командированного горным начальством в Крестовоздвиженские золотые промыслы для производства следствия о своевольстве крестьян кн. Бутеро, которые неоднократно уже после возвращения начальством вновь оказывали неповиновение. В 15 же число около 700 человек, оставив работу, следуют самовольно из промыслов через Крестовоздвиженск в город Пермь, и что он уже не надеется убедить их к возвращению на золотые промыслы.

Вследствие сего донесения исправляющий должность пермского гражданского губернатора, поручив пермскому земскому исправнику разведать, возвратились ли крестьяне на золотые промыслы по убеждению советника Тимченко, или продолжают итти к городу Перми, с тем вместе поручил мне отправиться на промыслы как для наблюдения за производством следствия, так и для удержания крестьян в должном повиновении.

В исполнение сего распоряжения, 18 числа отправясь обще с пермским земским исправником в Крестовоздвиженские золотые промыслы и не доезжая до Крестовоздвиженска 117 верст, 19 числа пополудни в 3 часа, в селе Камасино встречена нами толпа людей, состоящая из 175 человек.

По сделанному расспросу они объявили, что после первой отлучки, быв возвращены начальством в золотые промыслы, 2 числа января они вступили в работу, проработав в оной дней 10 и видя, что по их желанию уроки не убавлены, согласились вторично самовольно итти в Пермь для повторения той же жалобы на местное управление.

¹ Дата указана ошибочно; следует: 22 декабря 1839 г. (см. документ № 167).

Дабы остановить их, мною употреблены были всевозможные убеждения, объяснено им, что эта отлучка принята начальством за послушание и что они должны были с терпением ожидать окончания следствия, что тогда только начальство примет меры к уменьшению уроков и улучшению их содержания, когда следователи, окончив дело, представят его начальству и по оному окажется, что жалоба их справедлива, и что ежели они не желают быть приняты начальством как послушники, то чтобы немедленно возвратились к своим работам.

После сего убеждения партия рабочих людей в числе 175 человек из села Камасино при 3 жандармах отправились без оказания какой-либо непокорности, но, отошед от села не более $\frac{1}{2}$ версты, была встречена другой толпой, превышающей числом первую и состоящей из людей более взрослых и повидимому главнейших зачинщиков, которая остановила первую, кричала, зачем они возвратились, и гнала их обратно с криком, что начальство обманывает их, что все чиновники подкуплены и что никого не должно слушать.

Сопровождавшие жандармы уговаривали людей, но и их усердие было напрасно, — крестьяне, соединясь в одну толпу, кричали с дерзостью, что они никого не хотят слушаться и идут в Пермь.

По донесению жандармов о новом самовольстве крестьян, я вышел навстречу толпе, старался образумить и внушить им, чему они подвергаются за самовольство, но все усилие убедить их было напрасно, и они, как видно быв руководимы главнейшими зачинщиками, твердили одно, что все их обманывают и что они никому не верят и идут в Пермь требовать убавки уроков. Многие в толпе кричали, что не надо слушать убеждений, ибо все, что говорится, несправедливо и что всех наказывать не станут, а потому надобно идти в Пермь целой громадой.

Желая не допустить крестьян к приведению в исполнение их преднамерения, я выбрал из толпы людей, по моему мнению имевшего на них более влияния крестьянина Тимофея Каменского, который, быв смелее прочих, объявил мне, что крестьяне уверены неизвестными ему людьми, что будто бы местное начальство подкуплено и что они никого не должны слушать, и никому не верят, а идут в Пермь, где надеются, по уведомлению их ходатаев, успеть в своих требованиях. Каменский, убежденный в истине моих внушений и видя, чему они подвергаются, или более из страха, что мною на него обращено более других внимания, просил позволения оставить крестьян одних для совещания между собою, надеясь уговорить их к возвращению в работы.

После сего чрез два часа Каменский объявил мне, что люди просят позволения переночевать, обещаясь на другой день собраться и объявить свое намерение, но 20-го числа до света вся партия, не внимая никаким убеждениям, даже не испросив разрешения, отправилась с криком и гнала пред собою малолетних по дороге к Перми, разбив в вотчинном управлении княгини Бутеро земскую полицию и освободив людей, находившихся в оной под присмотром.

Не успев остановить крестьян и видя их буйство, я в то же время уведомил исправляющего должность начальника губернии о неповиновении крестьян, находя одно средство к удержанию непокорных высылкою навстречу им воинской команды, дабы показать жителям деревень, через которые ослушники проходили, что подобные проступки наказываются, а самовольство в России нетерпимо. Тем более сия мера, по моему мнению, была необходима для примера жителям деревень, лежащих на дороге к золотым промыслам, из которых значительная часть крестьян принадлежит княгине Бутеро, между которыми заброшена искра неповиновения, могущая впоследствии иметь пагубное следствие для всего ее владения.

Отправив это донесение 20 числа пополудни в 11 часов, я прибыл в Крестовоздвиженские золотые промыслы, где нашел со стороны горного начальства самые деятельные меры, принятые к разбору жалоб крестьян, улучшению их быта и облегчению работ, а вместе с сим осведомился о всех буйственных поступках, дерзостях и ослушании крестьян, подстрекаемых людьми неблагонамеренными, которые следствием должны быть неминуемо обнаружены.

Крестьяне, сделавшие однажды самовольство и ослушание противу вотчинного управления, быв правительством возвращены обратно к работам без наказания, почитая себя правыми, уже не хотели более повиноваться своим приказчикам и управляющим и хотя вступили 2 января в работы, но таковые производили с нерадением, как бы освобожденные от власти господского управления, и, видя что им все удастся, 8 числа вторично оказали ослушание, собравшись в 2 часа ночи на раскомандировку по работам близ казарм в числе 260 человек, не хотели итти на работу, требовали настоятельно убавки уроков, в противном случае угрожали уйти из промыслов; к числу 260 присоединились еще 140 человек. Все они, окружив контору, в коей хранится добытое золото, требовали убавки уроков, а без сего не хотели приступить к работе, и когда следователи убеждали их, что до окончания следствия и до произведения опытов, без разрешения высшего начальства уменьшения уроков сделать не могут, то из толпы отвечали с грубостью, что окончания следствия ждать не хотят, а настоятельно

требуют убавки уроков, в противном случае отправятся с новой жалобой.

Убеждения следователей о повиновении крестьян промышленному начальству, о продолжении своих работ и внушения строгости законов противу подобного буйства не имели никакого действия на толпу, явно подстрекаемую некоторыми неблагонамеренными крестьянами, которые, пользуясь темнотою ночи, прятались позади толпы, подсказывая им ответы.

При всем старании следователей открыть таковых было невозможно, потому что крестьяне их скрывают.

По невозможности убедить крестьян следователи возвратились в селение Северского прииска для водворения спокойствия между оставшимися работниками, которые, не присоединясь к толпе ослушников, оставались при работах, не взирая на делаемые им угрозы первыми; и не успев склонить всех рабочих людей к неповиновению, толпа самовольных начала разделяться; наконец, уверясь, что на сей раз послушание их не имело никакого действия на уменьшение уроков, они решились опять вступить в работы, угрожая, что они разойдутся в дома свои поодиночке, и в тот же день бежало 26 человек.

После вторичного слушания 8 числа крестьяне пробыли покойно до 15, сего же числа в час пополудни крестьяне, оставив самовольно работы, прибыли в Крестовоздвиженск в числе 700 человек.

При входе в селение были встречены следователями и адъютантом главного начальника Уральского хребта штабс-капитаном Носковым, прибывшим для производства опытов и проверки уроков на золотых промыслах княгини Бутеро; впереди толпы шли малолетние и силою увлеченные к неповиновению, а назади главные зачинщики, наблюдавшие, чтобы другие не отставали и не возвращались бы к работам.

Все старания чиновников о водворении порядка и внушения крестьянам, чтобы с терпением ожидали окончания следствия с объяснением, что просьба их уважена начальством и по оной производится следствие, а для производства опытов над уроками прислан адъютант главного начальника, по проверке которых, буде окажутся несоразмерными и тяжелыми, будут уменьшены, были тщетны; ни самые угрозы, что противу их будет послана воинская команда, как противу бунтующих, что их послушание будет судимо как уголовное преступление, показывающее явное неповиновение и буйство, хотя, повидимому, и имели успех, так что многие из близстоящих казалось были убеждены доводами следователей, склонялись возвратиться к работам, но в отдельной толпе подан знак хлопанием в ладоши и вся толпа с криком «ура» уходила далее. Некоторые из них в оправдание своего поступка объявляли, что они силою

противу желания увлечены побоями и боятся отстать от общества, дабы не подвергнуться мщению, но большая часть с дерзостью говорила, что они возвратятся к работам, если тотчас уроки уменьшатся, а плата увеличится, что они не боятся ни наказаний, ни отдачи в солдаты, и знают, что всех не будут наказывать.

Из числа толпы убежденные следователями и прочими чиновниками, человек до 60, отстав от общества, разошлись по квартирам, а другие, человек до 20, укрывшись в контору, остальная же толпа при выходе из селения остановилась и, обождав отставших некоторое время, с буйством и остервенением бросилась назад в селение, чтобы присоединить отставших, и, встретив советника Тимченко и штабс-капитана Носкова, с дерзостью отвечала, что они не образумятся, а вырвут силою изменников; после чего одна часть рассыпалась по селению, а другая, окружив контору, намерена была выломать двери, для чего некоторые крестьяне имели при себе поленья, но от исполнения сего удержаны были крестьянами из среды своей.

Ослушники, пробыв в селении Крестовоздвиженских золотых промыслов около 2 часов, отправились с криком по дороге, ведущей в город Пермь; из числа их к вечеру 15 января еще отделилось 145 человек, явившихся в контору, да 16-го числа в течение дня прибыло до 100 человек, в числе коих оказался крестьянин села Верхнемулинского Иван Иванов Лабутин, которого промысловое управление подозревает самым главным возмутителем и полагает, что если он и отстал от ослушников под видом покорности, то это сделано единственно для того, чтобы внушить оставшимся на промыслах крестьянам неповиновение начальству; таковое подозрение некоторым образом подтвердилось обыском в квартире Лабутина чрез заводского исправника, при котором найдено у Лабутина черновое прошение на имя исполняющего должность начальника губернии, и из разноречивых его показаний ясно обнаруживается, что он прошение сие имел не для прочтения рабочим, как объяснял, а повидимому для возбуждения в них духа непокорности; почему его, Лабутина, следователями приказано заводскому исправнику взять под строгий присмотр.

По выходе возмутительной толпы из Крестовоздвиженска следователи, имея при своих обязанностях с укрывшимися и возвратившимися к работам до 300 человек, немедленно приступили к открытию виновных. По их дознанию оказалось, что крестьяне, вступив в работы, были все время покойны по 8 число, в которое получили какие-то сведения из Перми, якобы сделано распоряжение начальством, чтобы уроки на работах убавить, а плату прибавить. Это было причиной ослушания

их помянутого числа; 11 же января возвратился из Перми один из поверенных — Иван Лабутин, который к вечеру, собрав у себя сходку народа, читал им поданное прошение и, как должно заключить, возмутил крестьян к послушанию, ибо 15 числа, когда крестьяне начали собираться на улице для ухода с работ, то видели некоторые Лабутина с несколькими соучастниками бегающего по избам и выгоняющего людей из домов, а которые не хотели присоединиться к его товариществу, то тех били нещадно, как переметчиков; Лабутин же, имея в руках топор, с остервенением бегая по деревне, кричал: «Ступайте все, мы ни одной души не оставим на месте». О сих действиях Лабутина подтвердили мастеровые Кушвинских казенных заводов, прибывшие по распоряжению горного начальства для испытания и поверки горных работ на приисках.

По производству следствия открывается, что главнейшие зачинщики и возмутители крестьян, находящиеся под судом в городе Перми служители княгини Бутеро Кашин и Каменский, которые, быв освобождены из тюремного замка по распоряжению Уральского горного правления, проживали свободно в городе Перми и действовали скрытно, имея сношения с единомышленниками; а когда были отправлены в Бисерский завод для очных ставок по их делам, там, пользуясь свободой, успели поселить между крестьянами дух непокорности, каковой ныне показали крестьяне на золотых промыслах и на заводе Лысвенском, но в оном благоразумием управляющего рабочие были остановлены и приведены к должному повиновению собственным его усердием.

По показанию крестьянина Хохлушина, одного из числа поверенных, Кашин и Каменский писали им прошение, а что в нем было написано, они не знали и подписали таковое по убеждению Кашина и Каменского, прося крестьян не открывать начальству о таковых их действиях.

Каменский и Кашин были наставниками просителей и, наверное можно заключить, суть главные виновники послушания крестьян, ибо все их выражения есть мысли и слова, неоднократно мне объявляемые Каменским и Кашиным при приносимых жалобах относительно местного начальства.

Командированный главным горным начальником адъютант его превосходительства по искусственной части штабс-капитан Носков с 12 человеками мастеровых, для производства опыта и поверки уроков, окончил свое поручение с следующими результатами: что работы в ортах или подземных галлереях различны и на разных расстояниях от поверхности земли и имеют различную длину, начиная от 1 до 87 сажень; что при опытах, во всех ортах им произведенных как казенными мастеровыми, так и крестьянами княгини Бутеро, работы оказались не обреме-

нительны, что в ближайших ортах рабочие могут оканчивать уроки в 6 рабочих часов, в последующих же времени потребно более, смотря по расстоянию относки песков, так что в самой дальней орте рабочие могут окончить уроки в 16 часов.

Произведенные опыты с заключением штабс-капитана Носкова поверены на месте берг-инспектором горного правления полковником Порозовым, который, войдя во все подробности работ и распоряжения местного управления, как он мне объявил, нашел следующее:

1. Что работы горные при золотых промыслах несколько не обременительны, но что они не имеют должного распорядка, от того и кажутся крестьянам отяготительными; что со стороны управляющего Граубе мало обращено внимания на расчет людей по работам, что он обязан был уравнивать их, назначая в работы ближних орт меньшее число людей, должно было постепенно усиливать число рабочих при каждом увеличении расстояния, а сим облегчается и самое производство работ; от сего упущения управляющего Граубе крестьяне неодновременно оканчивали уроки, могли иметь причину жаловаться на тягость работ, ибо одни, окончив работу в 6 часов, возвращались на квартиры, а другие должны были работать до 16 часов.

2. При производстве земляных работ необходимо иметь достаточное число инструментов и складочное для них место, но Граубе, получая содержание от капитала чистой прибыли по 4 процента, старался для собственной выгоды уменьшить необходимые расходы, чтоб тем добыча золота обходилась владельцам как можно дешевле, и, делая всякого рода экономии, не щадил даже разорения крестьян, не имея при фабриках достаточного числа инструментов, ни складочных сараев, отчего крестьянин, пришед на работу, должен прежде всего озаботиться приготовить носилки, на которых бы можно было выносить пески, и всякой раз, чтобы сохранить их в целости, должен носить излишнюю тяжесть с собою на квартиру. Устройство же тачек для отвоза песков, сопряженное с незначительным расходом, облегчив работу крестьян, сократило бы вдвое потребное время на выполнение уроков.

3. Фабрики устроены со всевозможным отступлением от правил горной науки и не имеют должного механизма, облегчающего рабочих людей в их действиях.

И 4. В общем распоряжении берг-инспектор нашел, что все упущения относятся к одному управляющему Граубе, что от его невнимания и неуравнения в работах крестьяне необходимо должны были жаловаться на тягость работ, но что работы несколько необременительны, только требуют другого

распорядка и лучшего устройства фабрик, с присоединением необходимого для облегчения работающих механизма.

О чем берг-инспектором сделаны зависящие от его распоряжения относительно распорядка людей по работам и к облегчению крестьян при производстве таковых.

Крестьяне по новому распоряжению берг-инспектора, быв употреблены на работы, при спросе их, довольны ли они его распоряжением, объявили, что теперь работы не тягостны и легко могут быть своевременно ими оканчиваемы.

Подробное же изложение о состоянии золотых промыслов княгини Бутеро и о средствах к улучшению таковых берг-инспектором будет представлено особенное мнение с заключением на утверждение главному начальнику Уральского хребта.

Почтительнейше донося о всем мною дознанном вашему сиятельству, обязанностию считаю присовокупить, что во время пребывания моего в Крестовоздвиженских золотых промыслах я старался вникнуть во все подробности быта крестьян на работах и нахожу следующее:

А) Плата, производимая работнику взрослому 15 и мальчику 10 коп. в день рабочий, весьма недостаточна: первый, проработав 6 дней, получает 90 коп., из которых он должен издержать 27 коп. на три пары лаптей и 80 коп. на прокорм себя в течение недели, следственно бывает в необходимости собственных прибавить 17 коп., но если ему случилось в который день не работать, то он уже лишился определенных 15 коп., а потому оставался в тот день без приварка, а по прежде бывшему порядку и без хлеба, ибо $3\frac{1}{2}$ фунт. хлеба выдавалось только в дни рабочие, а в дни отдохновения, иногда происходящие по необходимым причинам, лишали его даже необходимой выдачи хлеба. Мальчик же получает за 6 рабочих дней 60 коп., употребив на лапти 27 коп., ему остается 33 коп. на все содержание в течение 7 дней, а потому он большую часть рабочего времени питается хлебом и водою, когда для содержания рабочего класса людей требуется улучшенная и здоровая пища.

Б) Управляющий Граубе, получая содержание от чистой прибыли, изыскивает все средства к увеличению дохода, а потому небрежит о сбережении рабочих людей, прибывающих к нему из вотчинного управления на срочное время, предоставив права распоряжения по работам приказчикам, сам вовсе не заботится о быте крестьян на работе, но требует лишь выполнения уроков, от чего выходят злоупотребления, и зажиточный крестьянин, пришедший в работы, имея запас, удовлетворив нарядчика, несет легкую работу, а бедный находится в вечном яреме.

В) Хлебные магазины имеют значительные запасы, года на два.

Г) Амбар с разными заготовлениями, как-то: говядиною, солониною, рыбою, солью, крупю, лаптями, рукавицами, полушубками и прочими необходимыми потребностями к быту крестьян в работах, находится в порядке, и имеется огромный запас; из сих запасных магазинов отпускается крестьянам на наличные деньги все ими требуемое; цены на припасы следующие:

Говядина отпускается по 7 коп. за фунт,			
Соль	»	4 $\frac{1}{2}$	» » »
Крупа	»	4	» » »
Лапти	»	9 коп.	пара.

Д) Лазарет в Крестовоздвиженске в отличном порядке и чистоте, медикаментов запасы большие, больные содержатся отлично, имеют пищу хорошую, и вообще во всем видно попечение о больных, что должно приписать усердию тамошнего медика, знающего очень хорошо свое дело.

Е) Заводоуправление слабое, управляющий Граубе — человек, не понимающий быта русского крестьянина, не умел заслужить их расположение, в обхождении с крестьянами груб, строптив и недоступен, мало заботится о нуждах крестьянина, не входит совершенно в их положение, от сего приказчики и нарядчики, действуя самопроизвольно, дозволяют себе даже обижать крестьян, а сим подали повод приносить отчасти справедливые жалобы на местное управление в золотых промыслах княгини Бутеро.

Дознав о положении крестьян в работах, их содержании и вообще о всех подробностях местного управления золотыми промыслами, по возвращении в Пермь 23 января замечания мои представил на уважение исправляющему должность пермского гражданского губернатора, который сообщил таковые главному начальнику Уральского хребта для соображения при производимом следствии.

Прежде получения моего донесения о движении толпы крестьян управляющий именем княгини Бутеро Мейер для уничтожения всякого предлога к своевольству крестьян распорядился прибавить работающим на промыслах денежную плату до окончания следствия, почему исправляющий должность гражданского губернатора поручил земскому исправнику объявить о новом распоряжении управления крестьянам и убедить их возвратиться к своим обязанностям, но, получив донесение земского исправника, что крестьяне за всеми убеждениями решились следовать к городу Перми малыми партиями по разным окольным дорогам, исправляющий должность гражданского губернатора принял меры к удержанию крестьян, вследствие

коих в 24 и 25-е числа при входе в губернский город остановлено и взято под стражу до 200 человек.

А как в числе их 4 человека находились такие, которые еще в пути имели влияние на прочих, то они в виду крестьян подвергнуты легкому полицейскому исправлению, что и послужило примером для других.

Крестьяне, увидав неминуемую ответственность, раскаивались в своем поступке, прося помилования, обнаружили зачинщиков и водителей.

В 26-е число января, по распоряжению исправляющего должность гражданского губернатора, в сопровождении 30 человек нижних чинов гарнизонного батальона и 8 [человек из] Пермской жандармской команды при одном обер-офицере, без всякого ропота, крестьяне отправлены на промыслы; а о прочих, разошедшихся по домам, предписано земской полиции немедленно их выслать к месту работ.

С улучшением содержания крестьян и при мерах, принятых горным и гражданским начальством относительно быта крестьян на работах, можно надеяться, что своеволие их совершенно прекратится, тем более что признанные главными руководителями к неповиновению служители княгини Бутеро Кашин и Каменский взяты ныне до окончания следствия под стражу, и когда обнаружится следствием их прикосновенность к беспорядкам и непокорности, то будут преданы суду.

Подполковник *Коссинский*.

Помета: *Сообщено княгине Бутеро 20 февраля.*

ЦГИАМ, ф. 109, III Отд., 4 эксп., 1840 г., л. 80, л. 16—29.